Мой папа – супергерой

Автор:
Юлия Резник

Мой папа – супергерой

Юлия Резник

Оксана – директор элитной гимназии. Сдержанный, невозмутимый профессионал, у которого всё под контролем. Было. Ровно до зачисления Лилечки Веселой. Малышки, что растопила её сердце и… подожгла школу. И что-то сразу пошло не так. Вместо того, чтобы сделать внушение папаше ангелоподобного демонёнка, Оксана тает под уверенным, обжигающим взглядом бывшего спецназовца. А в гимназии начинают происходить вещи похуже пожара.

Юлия Резник

Мой папа – супергерой

Глава 1

У нее были бездонные голубые глаза, губки-бантики и персики-щечки. Её шикарные льняные волосы завивались в безупречные локоны, совершенство которых чуть портил заметно съехавший набок бант и что-то черное, наподобие сажи, запачкавшее нос-пуговку. Если бы Оксана видела эту малышку впервые, то непременно решила бы, что к ней в кабинет вдруг спустился ангел. Но в том-то и дело, что она знала её слишком хорошо для того, чтобы так ошибаться. В раю нет серы и дыма. Так ведь? А в первом «А», ученица которого сейчас и сидела перед Оксаной, этого добра было столько, что пришлось эвакуировать

целую гимназию и вызывать МЧС.

Второй раз за семестр, кстати.

Маленький белокурый антихрист…

Оксана прижала музыкальные пальцы к гудящей с самого утра голове. Сняла нервным жестом очки и бросила на кроху еще один взгляд исподлобья. Она знала, что с ней будут проблемы, с того самого момента, как Лилечка Веселая переступила порог кабинета, следуя по пятам за расфуфыренной в пух и прах девицей. Не спрашивайте, почему она так решила…

– Вы директор? – осведомилась та, игнорируя влетевшего следом секретаря Оксаны.

– Оксана Владиславовна, я ей говорила, что прием по электронной записи, но…

Оксана склонила голову на бок и строго уставилась на нежданную посетительницу.

– Я – Лилу, – оповестила та всех присутствующих и томным жестом заложила за ухо пергидрольный локон. Белокурый антихрист натуральным оттенком волос пошел, вероятно, в папу.

В задумчивости Оксана постучала ручкой по столу. Лилу… Очевидно данный факт должен был что-то им объяснить. Но нет… Этого не случилось. Оксана переглянулась с Зоей Константиновной, ее бессменным вот уже пять лет секретарем, и снова вернулась взглядом к посетительнице.

– Лилу… Знаете, «Доброе утро» на канале… – девица озвучила название одного из музыкальных каналов, которое уже через пять минут выветрилось у Оксаны из головы. Полезное умение – не зацикливаться на информации, которая ей в жизни не пригодится. В одно ухо влетело – в другое вылетело. Очень удобно.

Красотка занервничала. Застучала тощей ногой, как норовистая кобылица. Поджала неестественно пухлые губы.

А! – Дошло вдруг до Оксаны. Ну, конечно же! Ей, очевидно, стоило проникнуться успехами доморощенной знаменитости и продемонстрировать той свой пиетет. Что она, может быть, и сделала бы, если бы девица пришла в их гимназию по записи, в установленный срок. Все же должность обязывала. Оксана Владиславовна отличалась прямо таки удивительным даром ладить с людьми, что во многом и поспособствовало её назначению на должность директора одной из самых престижных в стране гимназий.

Осознав, что ей не собираются заглядывать в рот, милашка Лилу подтолкнула дочку поближе к столу Оксаны и затараторила:

– Мы в курсе, что набор заявлений на зачисление в первый класс уже окончен.

– Так и есть, на все вакантные места дети зачислены приказом от двадцатого апреля, с которым вы можете ознакомиться в разделе «приказы» на официальном сайте нашего учебного заведения.

– Да-да, но нам очень надо! Лилечку прямо выгоняют из детского сада, и я нахожусь в полном отчаянии. – Барышня картинно взмахнула руками и густо подведенными, неестественно длинными ресницами. Вышло довольно синхронно…

Это было что-то новенькое. Оксана впервые слышала, чтобы из детского сада кого-нибудь выгоняли. Тогда-то она не знала, что из-за Лилечки Веселой МЧС в детский сад «Колокольчик» вызывали пять раз за один только минувший учебный год. И лишь после первого аналогичного происшествия в школе Оксана догадалась озаботиться вопросом получения информации. Дабы заранее знать, к чему еще им готовиться. И правильно сделала, кстати сказать! Криминальная биография демоненка, факты которой Оксана выведала у заведующей детским садом, не сулила им ничего хорошего. Седая, как лунь, заведующая клялась, что до поступления Лилечки Веселой в ясли она была жгучей брюнеткой.

– Понимаете, какая ситуация… Лилечке совершенно нечего делать в подготовительной группе. Она и пишет у нас, и читает! С пеленок два иностранных, динамическая гимнастика, бассейн и занятия по системе Монтессори. Понимаете?

Вообще-то нет. Оксана не понимала, зачем над ребенком так издеваться, но озвучивать такие кощунственные для трепетной Лилу мысли вслух не стала.

– У нас очень талантливая, способная девочка. Вы просто обязаны ее взять!

Ну, надо же! Лилу опять не угадала! Её гимназия – её правила. Их даже через вышестоящие инстанции не смогут прижать, ведь все уже давным-давно задокументировано. Мест нет. Извините, пожалуйста.

В общем, отшить их Оксана могла без разговоров. Она уже практически сделала это, но в последний момент зачем-то бросила еще один взгляд на малышку, в бездонных голубых глазах которой закипали горькие слезы. Это что, она так в школу хотела? – пронеслась недоверчивая мысль. Чтобы выиграть время и как-то обдумать сложившуюся ситуацию, Оксана протянула руку и пошевелила пальцами, намекая, что неплохо бы ей ознакомиться с личным делом малышки. Лилу, дробно переступая на высоких каблуках, переместилась поближе к столу директора. Оксана взяла из ее рук картонную папку на завязках, пробежалась взглядом по данным анкеты, запнулась на дате рождения и, резко ту захлопнув, отвернулась к окну. Подумаешь, нелепое совпадение. Но от понимания этого легче не стало…

– Напишите заявление в приемной. Зоя Константиновна выдаст вам образец. Мы вам позвоним, как только будет готов приказ о зачислении, – механическим голосом отчеканила Оксана, не отводя взгляда от окна.

Зоя Константиновна беззвучно открывала и закрывала рот, явно шокированная таким решением. Аккурат вчера они отказали сделать поблажку и принять внука заместителя министра образования. А тут… всего лишь какая-то ведущая не самого известного музыкального канала…

Лилу же рассыпалась в благодарностях. Она была настолько счастлива, что это должно было насторожить Оксану еще тогда. Но этого не случилось. В тот момент она думала совсем о другом.

Так Лиля Веселая и стала их гимназисткой. Их головной болью и вечным кошмаром. То, что их гимназия доработала до апреля месяца – было скорее чудом, чем закономерностью. Все же у них была хорошая ведомственная охрана, и дьявольские проделки Лилечки в большинстве своем было кому пресекать. Но

с другой стороны, Веселая – сама по себе была сущим проклятием. Даже когда она ничего такого не затевала – вокруг нее все равно происходил какой-то Армагеддон. В туалете срывало краны, падали намертво закрепленные предметы, однажды под сцену провалился весь школьный хор, в котором Лилечка тогда в первый и последний раз солировала. И даже елку не минула прискорбная участь. Нет… она не упала. Она загорелась. Тогда они пожарных не вызывали. Пожар удалось довольно быстро потушить усилиями физрука и завхоза.

Отвлекаясь от собственных невеселых воспоминаний, Оксана снова потянулась к очкам. В них были обычные чуть затемненные стекла. Несколько лет назад Оксана сделала операцию по коррекции зрения и теперь могла обходиться без очков вовсе, но… она не хотела. За стеклами было так удобно прятаться… ото всех.

Оксана вздохнула. И синхронно с ней вздохнула и первоклассница.

– Я так понимаю, говорить вы, Лилия Матвеевна, не намерены? – уточнила женщина.

Лиля Веселая понурила плечи и прочертила грязными пальчиками узор на до блеска отполированном деревянном столе.

– Хорошо. Значит, я буду вынуждена поставить вопрос о вашем исключении из гимназии. Мы предупреждали и вас, и ваших родителей…

– Маму… – пискнула девочка.

– И вашу маму, – согласилась директриса, сводя красивые брови на переносице, – что если ситуация с вашим поведением не изменится в лучшую сторону, нам ничего не останется, кроме как пойти на самые крайние меры.

– Исключение… – вздохнула Лилечка, закусывая театрально подрагивающие губы.

Оксана прикусила щеку изнутри. Ее губы тоже дрожали, но совсем по другой причине. Её забавляла Лиля Веселая. Она трогала что-то внутри. То, что давно

заледенело и не подавало признаков жизни. Актриса…

– Вот именно. Исключение. Сейчас мы пытаемся связаться с вашей матерью, но пока безуспешно…

Белокурый антихрист вздохнул еще тяжелей. Дернул за оторвавшуюся манжету. Оксане было страшно представить, в какую сумму влетал родителям первоклашки ее гардероб – у той бесконечно что-то рвалось, пачкалось и терялось. Лиля Веселая приходила в гимназию, как модель с обложки журнала, а уходила, как жертва кораблекрушения.

– Вы не сможете с ней связаться, – печально развела ладонями девочками, – она в Милане.

Глаза Оксаны расширились. Она взялась за трубку телефона, чтобы связаться с секретарем, но у Лилечки заурчал животик. Женщина сверилась с часами на запястье. Ну, конечно. Уже обед! А ведь из-за сорванных уроков дети сегодня даже не завтракали.

Оксана встала из-за стола, прошла через кабинет и склонилась над небольшим холодильником, скрытым за панелью добротной деревянной мебели. С собой у нее был один только творог. А где-то еще хранились печеньки.

– Ешь! – сказала она, ставя перед девочкой баночку и пододвигая коробку Бельвиты.

Лилечка еще раз театрально вздохнула. Огромная хрустальная капля сорвалась с ресниц и упала на фарфоровую нежную щечку. Сердце Оксаны сжалось, несмотря на то, что она прекрасно знала – это игра. Веселая просто пытается в очередной раз ее разжалобить. Скажете, семилетний ребенок не может быть настолько коварным? Ха! Это ведь не вашу гимназию поджигали… дважды за один только прошлый семестр!

Дверь кабинета открылась. Внутрь смерчем ворвалась Паулина Сергеевна. Её лучшая учительница младших классов. Высокая тощая, как палка, старая дева неопределенного возраста.

– Это… это возмутительно, Оксана Владиславовна! Так и знайте! Я больше так не могу… Да мне скорую вызывали… дважды! Это… это не ребенок! Это сатана!

Сатана, которую было не видно из-за высокой спинки кожаного кресла, на котором она восседала, откашлялась, изыскано прикрыв рот ладошкой, и свесилась с подлокотника. Съехавший с хвоста бант почти коснулся пола. У Оксаны руки зачесались его поправить. А еще ей стало очень смешно наблюдать за побагровевшей Паулиной Сергеевной. Не иначе – Лиля Веселая плохо на нее влияла.

– Мы еще не закончили, – оповестила учительницу Оксана. – Я вас приглашу, как только это случится.

Так же быстро, как вошла – Паулина Сергеевна вылетела из кабинета.

– А у вас не будет чайку? – осведомилась Лилечка, как только за той захлопнулась дверь. Оксана снова закусила щеку изнутри, чтобы не улыбнуться. Взяла трубку и пробормотала:

– Зоя Константиновна! Будьте любезны, нам бы с Лилией Матвеевной чайку…

Минут через десять в кабинет вплыла секретарша, неодобрительно поглядывая на девчонку – расставила на салфетке блюдца и чашки, разлила чай.

– Я уже связалась с отцом ребенка. Он обещал подъехать!

– Отец? – повела бровью Оксана.

– Именно. Эта… как ее?

– Лилу, – подсказала оживившаяся девочка.

– Лилу! Трубку взять не соизволила!

Оксана кивнула, подводя черту под дальнейшим обсуждением. Возглавляя гимназию подобного рода – на что только не насмотришься! У богатых и знаменитых свои причуды. И свой круг интересов. Дети входят в этот круг не

всегда. Впрочем, может, дело и не в богатстве. Разве мало одиноких заброшенных всеми детей в самых обычных, с виду приличных семьях?

– Неужели папа и правда приедет? – прошептала девочка и, пожалуй, впервые с момента ее прихода Оксана заметила на ее лице волнение. Ну, или что-то, очень на него похожее. Это заставило задуматься. А что вообще она знает об отце этой девочки? Ничего. И ведь за анкетой бежать поздно. Непозволительный промах!

– А почему это вас так удивляет? – спросила Оксана, пряча свой интерес за чашкой чая.

– Не удивляет, – вздохнула девочка. Скатилась с кресла и, подбежав к зеркалу, стала поправлять прическу. Оксана удивленно вскинула брови. Неужели она нашла того, кто может повлиять на ребенка? Ну, ведь не зря девочка так волнуется? Выходит, вот, кто у нее авторитет? Может ли такое быть, что ей не придется исключать Лилечку Веселую из школы? Хотелось бы думать. Ей… очень нравилась эта малышка.

– И кто же твой папа? – не сумела сдержать любопытства Оксана.

Лилечка отвлеклась от зеркала, оглянулась через плечо. Посмотрела на нее как-то… снисходительно, что ли?

– Мой папа – супергерой!

Глава 2

Супергерой… Ага, как же… Все они супергерои! Сколько таких она на своем веку повидала? Да пачками. У всех у них была одна-единственная суперспособность – самоустраняться из жизни потомства.

– Супргерой? Как мило… – пробормотала Оксана, в который раз отбрасывая от себя очки. Еще немного, и стекла не выдержат – треснут и разлетятся. И ей в который раз придется выложить кругленькую сумму на покупку новых.

Лилечка закончила поправлять прическу и вернулась за стол. Поманила Оксану пальцем, и когда та с опаской к ней наклонилась, шепнула, обдавая чайным дыханием:

– Мой папа спасает мир. Только это секрет.

Ну, конечно. Спасает мир, надирает задницы плохим парням, стоит на защите интересов правительства… Нужное подчеркнуть. Но, даже если папа Лилечки Веселой действительно супергерой – со спасением мира у него дела обстоят так себе. Хреновый он, скажем прямо, спаситель. В конце концов, именно он породил самую главную мировую угрозу. Открыл ящик Пандоры под названием «Лилечка Веселая», и вряд ли что-то теперь могло захлопнуть этот ящик обратно.

– Я твой секрет не выдам, – тихонько пообещала Оксана, прежде чем снова опуститься в кресло.

Кого она ожидала увидеть? Зеленого, напичканного стероидами под завязку, уродца типа Халка? Или мужчинку в балетном трико и ракушкой на причинном месте? А может, на нем должен быть непременно развевающийся за спиной плащ? Оксана была готова к чему угодно. Но только не к реальности.

В дверь коротко постучали. Первой на пороге возникла Зоя Константиновна:

– Оксана Владиславовна… К вам Матвей Владимирович Веселый. Отец антихри… ой, Лилечкин папа!

Лиля вскочила. Нерешительно замерла рядом со стулом, заложив за спину ручки.

– Добрый день.

Оксана тоже зачем-то встала. Может быть, от неожиданности. Нечасто к ней приходят такие… эм… мужчины. Вместо трико – идеально наутюженные брюки. Вместо плаща – пиджак. Все добротное, по фигуре, скорее всего – брендовое. Нет, на элитные тряпки она тоже с лихвой насмотрелась. И сейчас дело было даже не в них. В общем… зря она потешалась. Отец Лилечки Веселой выглядел…

эээ… горячо.

Приплыли, Оксана Владиславовна.

Мысленно себя одернув, Оксана нацепила очки и протянула через стол руку для пожатия. Она директор лицея. Ее принцип – сдержанность и доброжелательность.

– Добрый день, Матвей Владимирович. Хорошо, что вы нашли время к нам прийти, потому как до матери Лилии Матвеевны дозвониться нам не удалось.

– У нее съемки в Милане. Эту неделю Лиля живет со мной, – обаятельно улыбнулся мужчина, скользнув длинными пальцами к пуговице на пиджаке. В горле Оксаны пересохло. Она не понимала, что с ней происходило, и это выбивало из равновесия. А Матвей Владимирович просто расстегнул пиджак для удобства и уселся на предложенный стул.

– Оксана Владиславовна… чай, кофе?

Оксана перевела взгляд на посетителя, как бы переадресовывая ему вопрос секретаря.

– От кофе не откажусь, – снова улыбнулся тот.

Зоя Константиновна качнула головой с внушительным начесом и поспешила к двери, но на полпути Оксана ее остановила:

– Зоя Константиновна, будьте любезны… пусть Лилия Матвеевна подождет отца в приемной.

Секретарь бросила опасливый взгляд на девочку. Кажется, она даже приготовилась возразить, но высоко вздернутая бровь начальницы удержала ее от такого опрометчивого поступка.

Самой виновнице «торжества» идея сидеть в приемной тоже не особенно понравилась. Она впервые взглянула на отца и даже всхлипнула:

– Папочка…

На этот раз, Оксана была готова поклясться, слезы в голосе девочки были натуральными. Но Матвей Владимирович на них не повелся. Подобно самой Оксане, вздернул бровь и взглядом указал дочке на дверь. И надо же! Та послушно двинулась следом за Зоей Константиновной. Оксана скрестила пальцы, взмолившись, чтобы приемная не пострадала. И, кажется, Матвей Владимирович заметил это движение. Улыбнулся еще шире.

– На удачу? – поинтересовался сквозь плохо сдерживаемый смех.

Ну?! И чего он скалится? Это не в его гимназию вызывали пожарных дважды за один только прошлый семестр. Оксана нахмурилась, разжала по-детски скрещенные пальцы. Взяла ручку и перекатила ту в ладонях. Отличный способ успокоения.

– Вы, наверное, уже в курсе, что с дисциплиной у Лилии большие проблемы. Мы неоднократно разговаривали с Лилу на эту тему и предупреждали, что если ничего не изменится, то…

– Лилу? – удивился мужчина, облокачиваясь на предплечья и подвигаясь к Оксане непозволительно близко. Так, что аромат его туалетной воды и еще чего-то… странного, может быть, даже опасного, понесся по её венам, разнося вместе с молекулами запаха страх.

– Мать Лилии…

– Ленка, что ли? Я в этих ее псевдонимах не разбираюсь.

– Она представилась именно так. Впрочем, это неважно. Я предупреждала вашу жену, что…

– Бывшую жену.

Черт! Да какая ей разница?! Бывшую, настоящую! Они сейчас разве об этом?! Сохраняя спокойствие, Оксана демонстративно посмотрела на часы.

– Так вот, я неоднократно говорила вашей бывшей жене, что если ничего не изменится – мы будем вынуждены исключить Лилию Матвеевну из гимназии. Но, к сожалению, никаких улучшений в поведении девочки с тех пор отмечено не было. Сегодня она опять сорвала уроки… Нам пришлось вызывать МЧС.

– Да что же она такого сделала? – улыбнулся! (нет, вы только подумайте?!) отец антихриста.

– Вот уж доподлинно не знаю, надеюсь, экспертиза сообщит. Но в классе что-то горело, распространяя дым. Вы понимаете, насколько это опасно?

– Догадываюсь… Послушайте, но она же просто ребенок. Давайте так – я с ней поговорю, последствия устраню, а чтобы загладить вину… как насчет ужина?

Оксана мысленно простонала. Добавила холода взгляду. Это что же… он настолько уверен в собственной неотразимости, что решил, будто ужин с ним сделает ее благосклоннее?

– Думаю, вопрос ужина вам стоит обсудить с начальником караула…

– Караула? – свел красивые каштановые брови Веселый, и Оксана некстати заметила, что совершенную красоту его лица нарушал тонкий шрам на скуле. А может, он, напротив, добавлял ему мужественности.

– Ну… если я верно расценила ваше стремление загладить вину… Вы, очевидно, хотите поужинать с поднятыми по тревоге МЧС-никами? Или я что-то неправильно поняла?

Его улыбка заметно поблекла. А в стальных глазах мелькнуло что-то такое, что она уже почувствовала в его аромате.

Опасность… опасность… опасность…

Несоответствие избранной роли веселого сердцееда – внутреннему содержанию. Холодок пронесся по позвоночнику и сконцентрировался в животе. Отрезвляя. Гася неуместные порывы плоти. Ну, и чего она на него так среагировала? Подумаешь… смазливый тип. Совсем не в её вкусе. Слишком высок, слишком

красив, слишком молод. Сколько ему? Лет… тридцать? Тридцать два? С каких пор ее потянуло на малолеток? Да и вообще… хоть на кого-то потянуло? Что это, вообще, за черт?

– Я хотел пригласить вас, – сузил глаза Матвей Владимирович.

– Чтобы загладить вину? Ну, что вы. Думаю, если вам кого и надо приглашать с этой целью – так это Паулину Сергеевну.

– Или пожарный караул. – Еще сильнее сощурился Веселый.

– Или их, – согласилась Оксана, – но лучше классную руководительницу Лилии. К ней нам даже пришлось вызывать скорую…

– Вас послушать, так Лиля – прямо какое-то вселенское зло, – взял себя в руки мужчина и снова пахнул на нее обаянием.

Впрочем, Оксана не поддалась этим флюидам. Она вообще не доверяла мужчинам.

– Матвей Владимирович, я не навешиваю на детей ярлыки. И не делю учеников на плохих и хороших. Более того, в своей работе я исхожу исключительно из интересов учащихся. Всех учащихся и каждого из них. Они для меня в абсолютном приоритете, как и для всех педагогов гимназии.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь.

– Отлично. Тогда вы должны понимать, что своими проделками Лиля не только попирает интересы других ребят, но еще и ставит под угрозу их жизни и здоровье.

– Вам не кажется, что вы уж слишком сгущаете краски? Она всего лишь что-то там подожгла… Может быть, даже не специально.

– Второй раз за семестр? – тут же уточнила Оксана, бросая на посетителя строгий взгляд из-под очков.

– Эээ… Ну, ладно! Не случайно. Так… я понял. Дайте нам последний шанс. Я с ней поговорю и уверяю – Лиля выполнит все ваши требования, какими бы они ни были!

– Наши требования по отношению к ученикам всегда позитивны и обоснованы. А вы говорите о них так, как…

– Стоп-стоп! Ничего такого я не говорю. Так мы все уладили?

Оксана растерла переносицу и встала из-за стола. Подошла к окну. Окинула цепким взглядом прилегающую к школе территорию – нет ли посторонних, и снова вернулась к вызванному на ковер родителю.

– Матвей Владимирович, мы здесь не изверги. Об исключении Лилии прямо сейчас речь вообще не идет. Мы, конечно же, дадим ей окончить учебный год в том учебном заведении, к которому она привыкла. Я очень надеюсь, что за это время ничего больше не произойдет, и поведение Лили исправится. Если это случится – возможно, вам удастся избежать исключения. Но гарантировать этого я не могу.

– Да-да, я помню! Интересы учеников для вас в приоритете.

Ей показалось, или в его словах и правду прозвучала издевка? Все же какой-то странный этот Матвей Владимирович Веселый. Странный и… опасный! Снова мелькнула эта мысль.

– Вот именно, – подтвердила Оксана, не отводя взгляда.

Что, мальчик? Скушал? Думаешь, я сейчас лужицей перед тобой растекусь? Не угадал! То, что Лилечку оставили на испытательный срок – вообще не твоя заслуга. Если бы Оксана не питала к этой девочке странной щемящей нежности – уже давно бы выписала им с папашей волчий билет.

– А кто мне покажет класс?

– Класс?

– Да. Я ведь сказал, что компенсирую материальный ущерб. Сделаю ремонт, или что там еще надо?

Оксана пожала плечами:

– Пойдемте. Я вам все и сама покажу.

– Не хотел бы вас задерживать…

– Да бросьте. Мне теперь здесь до ночи сидеть. Объяснительные, докладные…

– Это по какому же случаю?

– По этому самому. Произошло ЧП. Я несу прямую ответственность за происходящее.

Они прошли через приемную, вышли в просторный коридор, свернули на лестницу. Запах гари и серы усиливался. Оксана прошла вперед и торжественно распахнула дверь с табличкой «1-А». Матвей Владимирович сунулся следом. Ну… если не считать прожжённой в линолеуме дырки, невыносимой вони и потемневших от сажи стен – в классе не было ничего такого… необычного. Бойкая старушка Лидия Тимофеевна, которая у них трудилась уборщицей – уже все прибрала. Вещи детей, которые те побросали, в спешке покидая помещение – были собраны в кучу на учительском столе. Окна распахнуты настежь. Красивые гардины сняты. Им требовалась стирка. Прачечной в гимназии не было. А поскольку Паулина Сергеевна напрочь отказалась участвовать в ликвидации последствий ЧП, стирать гардины предстояло самой Оксане.

– Ну, вот, собственно… – развела руками.

Матвей Владимирович кивнул, внимательно осмотрел черную дыру в линолеуме, потемневшую от пламени парту. Потер стену пальцем. Как будто что-то понимал в вопросах ремонта.

– За субботу и воскресенье все устраню, – кивнул, наконец, и подался к выходу. – Мне нужно выписать пропуск, или…

– Я предупрежу на посту охраны, что вы подъедете. Просто возьмите паспорт.

Мужчина кивнул, мазнул по ней взглядом. Хотел было что-то сказать, но Оксана перебила:

– Дорогу до приемной найдете? Мне еще нужно вниз спуститься. Кое-что уточнить у охраны.

– Найду, – заверил посетитель.

И опять его веселый тон никак не вязался с мелькнувшей в глазах сталью. Оксана холодно попрощалась и пошла вниз. Ей и правда было нужно поговорить с Иваном Петровичем. Отличным мужичком, долгое время проработавшим в органах, а теперь осевших у них. Вообще-то считалось, что в школе работенка не пыльная, но в последнее время вокруг их гимназии происходили странные вещи. Им приходилось быть начеку.

– Ну, что, Иван Петрович? Больше те пареньки на глаза не показывались?

– Да попробуй, разбери! Такая толкучка образовалась. Может, и были… я ночью камеры просмотрю повнимательнее. И Юрка обещал глянуть.

– Хороший план, – похвалила Оксана охранника, – вчера Курянский опять, кажется, был не в себе. А Багрянский и Лаптев пропали, после первого урока.

– Я за ними пригляну. Думаете, наркота?

– Даже не знаю, что и предположить. Просто будьте начеку. Если здесь кто-то приторговывает – нам нужно об этом знать.

– Может быть, в полицию обратиться. Оксана Владиславовна?

– Да. Надо… Но я сначала кое с кем поговорю. А так, с заявлением – только репутацию себе портить. Мы… осторожненько. С верхов зайдем.

Глава 3

Домой Оксана попала уже ближе к восьми. Могла и дольше задержаться в гимназии, но решила, что над объяснительными может поработать и дома. Хорошо, что впереди выходные – будет время подумать над тем, что там еще писать. С тех пор, как Лилечка Веселая стала их гимназисткой, фантазию Оксане пришлось напрячь основательно. Никто в здравом уме не поверил бы, что столько бед может причинить одна маленькая – метр десять – девочка. Сущий ангелок с бездонными голубыми глазами, губками-бантиками и белокурыми локонами. А между тем ее проделки здорово били по репутации как самой Оксаны, так и гимназии в целом. У некоторых родителей возникли серьезные сомнения насчет способности директрисы организовать безопасный учебный процесс для их бесценных чад. Ей бы исключить дьяволенка – и дело с концом. Но вместо этого Оксана опять заговорила о шансах. Хотя шансов на то, что Лилечка Веселая исправится, было столько же, сколько и у Ленина – воскреснуть.

Оксана с облегчением стащила удобные, в общем-то, туфли на модных в этом сезоне квадратных каблуках и бросила портфель на комод. Огромный пакет с гардинами отволокла в ванную. Вытащила шпильки из строгой прически и посмотрела на себя в зеркало. Тридцать шесть. Ни ребенка, ни… а, нет, котенок все же имеется. Семь месяцев всего котенку-то, а он размером с маленькую рысь. И что будет дальше – страшно представить. Трется огромной головой о ноги – выпрашивает пожрать. А еще через пару месяцев уже, наверное, будет откусывать от самой Оксаны. Шутки шутками, а она всерьез этого опасалась.

– Ну, пойдем, нетерпеливый… Даже переодеться не дашь?

– Мау… – прогудел, как кит, Яша.

Оксана почесала кота за ухом и пошлепала в кухню. С утра в раковине стояла невымытая чашка. Одна… Оксана открыла холодильник, достала из зоны свежести кусочек парной говядины и, быстро порезав ту на кусочки, поставила перед питомцем. Долила свежей воды.

Ей бы и самой не мешало поесть, но было лень готовить. Она стащила опостылевший за день костюм, бросила в корзину блузку и белье. Немного подумав, сунула одну из гардин в машинку. Пока она искупается – та уже будет

чистой. Горячая вода окончательно разморила. Оксана выбралась из ванны, растерлась полотенцем и накинула легкий халат. В дверь позвонили.

Страх пронесся вниз по спине и сконцентрировался внизу живота. Она, наверное, никогда от него не отвыкнет. Условный рефлекс, чтоб его… Оксана судорожно сжала руки и, как шпион, на носочках, подкралась к двери. Выдохнула со свистом. Облегчение пронеслось по венам. Пять лет прошло, а она все чего-то ждет. Новой боли, нового унижения…

Руки дрожали, поэтому замки открыла с трудом.

– Привет. Не ждала? – улыбнулся мужчина, протягивая букет тюльпанов и оттесняя ее вглубь квартиры.

Оксана закусила губу и покачала головой.

– Ммм… Как ты пахнешь. Из душа только? – пробормотал гость, обнюхивая ее, как животное, касаясь носом скулы и нежной мочки уха. Телом пронеслась дрожь. Она не любила этого мужчину. Но была ему благодарна. Да и в постели с ним было не так уж и плохо. Он… старался.

– Ага. Из душа. Только пришла. Хочешь есть? Я что-нибудь приготовлю. Не ждала тебя сегодня, так что… даже не знаю, что там с продуктами.

– Моя сегодня у Анютки ночует. Там у Макса то ли зубы режутся, то ли опять живот болит… – докладывал Бедин, стаскивая легкие туфли. «Моей» он называл свою жену. Высокую худую, немного стервозную женщину. Анютка – дочь, ну, а Макс – внук, соответственно. – Знал, что у тебя опять шаром покати. Вот сам купил… Разложишь? Я тоже в душ сгоняю.

Оксана улыбнулась. Погладила ладонью по щеке с уже отросшей серебристой щетиной.

– Иди. Я положила тебе чистые полотенца…

Бедин Георгий Вячеславович был человеком непростым. Всю свою жизнь проработал в прокуратуре. Прошел весь путь от рядового служащего до

заместителя главного прокурора. Матерый спец. Совсем недавно отметил свое шестидесятилетие. Они познакомились давно. Лет десять назад, когда его младший внук поступил к ней в первый класс. Поначалу ничего такого между ними и не было. Пересекались пару раз на собраниях, да и так… Внук Георгия был парнем балованным, Оксане частенько приходилось вызывать его родителей на ковер. А потом поняла, что затея это бесполезная. Яриком занимались бабка и дед. Старший сын Георгия был… да дерьмом он был. Как и его женушка.

Все в ее жизни изменилось пять лет назад. Когда Бедин… помог ей. Помог так, что она ему до конца жизни будет за это благодарна. И если поначалу, расплачиваясь собственным телом за эту помощь, ей было не по себе, то с течением времени все изменилось. Она привыкла к Бедину. Прониклась этим сильным несгибаемым мужиком. Хотя так и не полюбила.

Сильные руки легли на грудь. Пальцы провели по мягким соскам, очерчивая. Оксана чуть повернула голову и коснулась губами небритого подбородка мужчины.

– Так о чем ты хотела поговорить? – тут же спросил он, хотя момент вряд ли располагал к беседе.

– Может быть, сначала поедим? Или ты хочешь…

– Я никуда не тороплюсь, – отступил Бедин, – давай за ужином и поговорим. Я вина купил.

– Мое любимое.

– Твое любимое, – кивнул он. Взял вазу, набрал воды и поставил в нее забытый Оксаной букет. – Не понравились?

– Жор, да ты что? Я просто не ожидала, что тебе сегодня удастся вырваться! – запротестовала Оксана, подходя вплотную к мужчине. Она действительно не хотела его обидеть. Он этого не заслужил. Коснулась пальцами квадратной челюсти. Провела вверх, очертила морщинки у глаз. Бедин был старшее ее на двадцать четыре года. Но он хорошо выглядел – невысокий, большой, но не толстый и не обрюзгший. Ей нравился его цепкий взгляд и скупая улыбка. Может

быть, если бы их жизни сложились иначе – она могла бы его полюбить. Возможно…

– Ладно, – улыбнулся он. – Садись…

Они были любовниками последние пять лет. Он знал все о ее привычках. Она – о его. Так странно…

После душа Бедин надел спортивные штаны и футболку. Оксана оставалась в халате. Обычно мужчина предупреждал о своих визитах, и она успевала принарядиться. Но сегодня – вышел сюрприз. Интересно, Георгий заметил, что она не молодеет? Ей все же тридцать шесть и… Господи! О чем ты думаешь, Волкова? Тебе тридцать шесть. А ему шестьдесят! На фоне его ты девочка. А вот на фоне отца антихриста…

Ага, ну правда, приехали…

– Ты сегодня беспокойная. Что-то случилось? – спросил любовник, разливая по бокалам мускат.

– Ага. Снова Лилечка Веселая развлекалась.

Георгий усмехнулся:

– МЧС? Или скорая?

– И то, и другое, – Оксана рассмеялась и зарылась лицом в ладони, – этот ребенок невыносим.

– Но ты не об этом хотела поговорить?

– Не об этом… Я думаю, что на территории гимназии кто-то взялся распространять наркотики, – выпалила Оксана.

На секунду Бедин замер. Даже жевать перестал.

– С чего ты это взяла?

– Ты знаешь, с какими детьми нам приходится работать. Я уже на что только ни насмотрелась. Прийти на уроки после пьянки, или вообще не прийти… у них это в порядке вещей, ты ведь понимаешь. Мы-то, конечно, пытаемся с этим бороться, и в последнее время в этом отношении строгость дала свои результаты. Старшеклассники хотя бы не паркуются на местах учителей, – Оксана хмыкнула. – В общем… крутые они все у нас, самостоятельные, взрослые! А тут на днях подходит ко мне девочка. Отличница, зубрила. Тихая-тихая. Говорит, Оксана Владиславовна, у нас в школе наркотики продают. Я к ней – что да как? Давай выспрашивать. А она что? Только то, что по сплетням известно. Эти-то между собой трут. На форумах переписываются. Девочка эта говорит, что у них чуть ли не язык там какой-то свой. В общем, назначают встречу, выходят к воротам, а там уже и поставщики… Ну, я к охране. Давай мы камеры смотреть… И правда, Жор! Отирается там несколько человек. Если предметно их не высматривать, то и внимания не обратишь. Мы-то не обратили! А когда уже конкретно высматриваешь… бросается в глаза.

– Сделай копии записей и мне пришли. И сама в это дело не суйся!

– Так я и не суюсь…

– Ага, не суется! А мне почему только сейчас рассказала?

– Так это все недавно выяснилось, Жор… По телефону-то не расскажешь.

Георгий кивнул. Задумчиво постучал пальцами по столу. Взял бутылку и разлил остатки по бокалам.

– Может быть, еще что-то важное. Ты подумай! И с девочкой этой… моим бы спецам поговорить. Может, она и на сайт выведет. Тогда будет проще прижать.

– Девочка несовершеннолетняя.

– Значит, в присутствии родителей. Они у нее как? Вообще – вменяемые?

– Хорошие люди. Папа – инженер какой-то крутой, в оборонке работает. Мама тоже непростая. Языковед, полиглот… Гляди ж, и позволят с Кирой поговорить.

– Это и в их интересах. Так, слушай… ты мне тоже на бумаге все изложи. В виде заявления. Пусть лежит, пока мы будем разбираться.

– Эта девочка, Кира… говорит, будто ходит слух, что Рафик Джамирев на самом деле скончался от передозировки, – Оксана смочила пересохшие губы вином, – а та доза… была приобретена в гимназии.

– Дерьмо, – коротко прокомментировал ситуацию Бедин.

Дерьмо. Еще какое. Когда сын таких влиятельных родителей умирает от наркоты, купленной в школе… Неизвестно, чем это все может обернуться. Оксана только-только отошла от известия о смерти парнишки, а тут такие подробности. Над их гимназией будто тучи сгустились. Сначала уже в выпускном классе погибает Рафик, потом девочка, с которой он встречался… Две смерти, меньше чем за месяц. И что, если одно как-то связано с другим? Оксана не знала, что ей и думать!

– Если в словах твоей Киры есть хотя бы доля правды – дело дрянь. Держись от него подальше.

– Я держусь…

– Вообще его не касайся. Ты меня поняла? – взгляд Бедина стал жестким, утратив всю игривость. Сейчас перед ней сидел не добродушный дедушка ее ученика. И даже не её любовник. Профессионал. Перед ней сидел стопроцентный ас своего дела.

– Я и не планирую этим заниматься самостоятельно. Тоже мне нашел мисс Марпл. – Оксана встала, погладила любовника по плечу и принялась собирать тарелки.

– Вот и правильно. Молодец, что все рассказала. А то знаю я твою склонность со всеми проблемами самой разбираться. Феминистка чертова.

Оксана улыбнулась. Показала Бедину язык, за что тут же поплатилась. Одно стремительное движение – и она уже у него на руках.

– Букреев не объявлялся? – спросил Георгий, поглаживая ее по выпирающим на спине позвонкам. Оксана тут же напряглась. Окаменела. Зачем он вспомнил о ее бывшем муже? На то есть какие-то причины, или…

– Нет. А… ты почему спросил?

– Да так. Видел его на одном из совещаний. Вспомнилось. Ты же мне расскажешь, если… что-то изменится?

Оксана сглотнула. Что изменится? – хотелось ей закричать. Пять лет прошло, как она избавилась от этого ужаса! Пять чертовых лет. Неужели… неужели Бедин думает, что тот еще не остыл? Впрочем, чему удивляться. В свое время она сама думала, что муж никогда не оставит ее в покое.

В глубине квартиры тихонько запищала машинка, оповещая о том, что гардина достиралась.

– Я белье развешу… – пробормотала Оксана, неловко соскальзывая с колен любовника.

С гардиной пришлось повозиться. Длинная больно, на балконную веревку не вмещается. Пока она вертела ее туда-сюда, пришел Георгий.

– Держи этот край… Вот так. А теперь мне давай… Ага, вот как ровненько. Это что за гардина? Твои вроде все на месте…

– Это последствия очередной проделки Лилечки Веселой. И завтра, из-за нее же – ехать в гимназию. Её отец обещал быть. Будем устранять последствия стихийного бедствия.

Оксана, наконец, закинула тюль на веревку и принялась тот расправлять.

– Симпатичный?

– Кто?

– Отец твоего антихриста.

– А что? – оглянулась Оксана, – ты ревнуешь? – улыбнулась она.

– Да ни в жизни… – хмыкнул Бедин. Шагнул вплотную. Обнял Оксану со спины, скользнул ладонями по животу, к груди и в разрез халата. Его нетерпеливые пальцы дрожали. Эрекция упиралась в попку. В последние годы Бедину было нужно не так много, каких-то пару минут, и он взрывался. Конечно, она не успевала за ним, но мужчина старался, чтобы и ей было хорошо. Иногда ей удавалось кончить. Чаще – нет. Он волновался, когда этого не происходило, и Оксана научилась мастерски имитировать свой оргазм. Ей было не плохо, но и не хорошо.

По крайней мере, она не была одна…

Мужчина чуть отступил и случайно наступил на кота. Тот взвыл, пулей бросился в комнату. Бедин выругался под нос и скомандовал:

– Пойдем в кровать.

Глава 4

– Я не буду есть этот омлет!

– А что будешь?

– Буду оладушки!

– Не до них сейчас. Мы проспали.

– Сегодня суббота!

– Сегодня день устранения последствий.

Матвей хмыкнул. Кажется, его дочка даже немного смутилась. Ну, надо же.

– Я не хотела взрывать тот пакет в классе. Что-то пошло не так, – покаялась Лилечка, ковырнув пальчиком бамбуковую подставку под горячее.

Взрывпакет! Взрывпакет, мать его! А ведь ей семь лет! Не надо было ее таскать на сходки с друзьями, на все их вылазки и учения. Вот не надо было! Да только с такой матерью, как Ленка, оставлять дочку дома было еще опаснее. Хорошо, что он все же осел на одном месте. Хватило ему службы. С головой… Нажрался. До сих пор просыпался в холодном поту. Кошмары… Может быть, поэтому и удалось уйти. Не прошел стресс-тест. Подписал себе увольнение. В их профессии нервы должны были быть стальными. А он в какой-то момент сломался. Что ж… случается. Даже с самыми лучшими…

Вот уже год, как у него не жизнь, а малина. Шикарный офис в центре, в подчинении куча ребят. Пей, жри за счет фирмы, получай охренительную зарплату. Ну, и впахивай вроде как до седьмого пота. Хотя… тем, кто служил в спецназе – работенка так себе, позволяет немного размяться да окончательно не утратить сноровку. А вот в последнее время стало поинтереснее. Выполняя очередное поручение шефа – начальника службы безопасности одного из крупнейших в стране холдингов, Матвей случайно узнал, что в гимназии, где учится его дочка, приторговывают наркотой.

И почему-то у него окончательно сорвало крышу. Матвей так сильно разозлился, что с большим трудом заставил себя действовать осторожно. Он пятнадцать лет служил не для того, чтобы его ребенка с малолетства на наркоту подсаживали. Он не для этого под пулями, в холод, и в дождь, и в зной… На износ! На пределе возможностей… И так его подорвало! Сил нет. Ни спать не мог, ни жрать. Думал, как ему это все разруливать.

Прежде всего, Матвей поговорил с начальником. Глеб Громов – мужик, что надо. Да и у него в той гимназии свой интерес имелся. Все же дочка начальника училась именно там, а Громов за девчонку отвечал головой. В общем, добро на негласное расследование Веселый получил. Осталось разобраться, с чего начинать. И тут весь его опыт подсказывал, что начинать надо бы с руководства. Ясное дело, что без него в этой схеме не обошлось. А тут еще повод отличный

нарисовался – Лилька опять начудила. Грех было не воспользоваться таким шансом.

Директриса оказалась горячей штучкой. С виду холодная, но в глазах такой огонь полыхает – что даже его проняло. Может быть, она поэтому глаза за стеклами очков прятала? Матвей сразу понял, что это не линзы.

– Лиль! Ешь…

– Я не люблю яичницу…

– Слишком ты разбираться стала. В походе со мной даже змею трескала, а тут какие-то яйца.

– Змея была вкусной, – хищно улыбнулась его дочурка. Сущий ангел. Когда она спит.

– Давай-давай! Не то опоздаем. Твоя дракониха-директриса будет злиться, если мы не успеем привести класс в порядок. Я ей обещал.

– Она не дракониха, – вздохнула девочка, – Оксана Владиславовна только с виду строгая. Но знаешь, что?

– Что?

– Хорошая она. Ее все дети любят.

– Так что ж ты ей жизни не даешь, а, Матвеевна? Может, хватит уже делать ей нервы? Да и опасно это! Я тебе сто раз говорил. Кстати, ты в курсе, что наказана?

– Домашний арест на год? – Лилечка облизала ложку и без всякого страха уставилась на отца.

– Домашний арест до пенсии! Это надо… взрывпакет! Чем ты думала? У нас теперь будут неприятности с социальной службой. А может быть, и с полицией.

– Что такое «социальная служба»?

– Это такие злые тетки, которые могут отобрать ребенка у родителей.

Глаза крохи широко распахнулись. Розовый бутон ротика приоткрылся. В кристально чистых глазах мелькнул ужас.

– Как отберут? Насовсем?

В ином случае, Матвей вряд ли бы стал пугать дочку, но тут… Она ведь совершенно отбилась от рук! Вышла из-под контроля. И с этим нужно было что-то делать, пока Лилька окончательно не зарвалась.

– Насовсем.

– Но… почему? – всхлипнула его дочь.

– Потому что эти тетки решат, что мы с твоей матерью не очень хорошие родители, понимаешь? Ребенок не должен ходить в школу со взрывпакетами! Считается, что хотя бы этому мы тебя уж были обязаны научить.

– Я просто хотела пошутить.

– Считай, что шутка удалась. Дальше что будем делать?

– Я не знаю, – заревела девочка, спрыгнула с высокого барного стула и бросилась в объятья отца. – Скажи, что меня не заберут…

– Не заберут! Если ты прекратишь хулиганить!

– Я больше не буду ничего взрывать…

– И? – подтолкнул дочку к дальнейшим клятвам Веселый.

– И ломать ничего не буду, и выкручивать болты из стульев, и класть тараканов в еду Боброву…

– О, господи… Мой же ты маленький антихрист…

Матвей поцеловал дочку в макушку. Зажмурился, вдыхая сладкий детский аромат, с легкой примесью гари. Не смог не улыбнуться – стоило только представить, как Лилька воплощала в жизнь свои преступные замыслы.

– Ты меня никому-никому не отдашь?

– Не отдам… Кто на такую хулиганку позарится? А если даже и так, тебя бы вернули уже через час. И даже, может быть, приплатили, чтобы я только забрал тебя обратно. Слушай, неплохой бизнес. Если у твоего бати дела пойдут так себе… можно будет эту схему провернуть. Что скажешь?

– Ты ведь шутишь? – шмыгнула красным носом малышка.

– Как знать? Ну? Иди, ешь. Иначе все окончательно остынет…

Когда Матвей говорил, что они опаздывают – он ничуть не соврал. Вообще-то он планировал успеть к девяти.

Пока Лилька ковыряла свой омлет, Веселый рылся в кладовке. Нашел уровень, рулетку, взял коробку с инструментами. По большому счету, ему надо было еще вчера измерить кусок линолеума, который придется заменить, а вместо этого он пялился на Лилькину директрису. Просто взгляда от нее не мог оторвать.

Она была… офигенной. Наверняка разбила не одно мальчишеское сердце. Ну, а что? Такой экземпляр. Влажная фантазия всех старшеклассников – Мат мог поклясться. Сам бы он такую точно не упустил. Строгая, властная, неприступная. Вызов в чистом виде. Так и хочется стащить с нее наглухо застегнутые тряпки и посмотреть, что под ними. Разобрать по косточкам, сломить сопротивление. Наклонить над огромным, до блеска отполированным директорским столом, и…

– Я доела…

Матвей вздрогнул. Коробка с инструментами свалилась с полки и ударила его по ноге.

– Ёжички-уточки! – выругался Веселый. Не слишком грозно? Так может показаться только тем, у кого нет ребенка, который с восьми месяцев повторяет все, что только услышит.

Матвей оглянулся. Лилька не только доела, но и нарядилась. Наряжаться она любила едва ли не больше, чем хулиганить. Так в ней сочеталось истинно женское и демоническое начало.

– Ты накрасила губы.

– Сегодня суббота.

– Да, но мы все равно едем в школу.

– Да брось! Там все равно никого нет.

С этим Матвей спорить не стал. Через несколько минут они уже мчались к гимназии. Парковка перед входом была свободна. На посту охраны их уже ждали. Тщедушный парнишка лет двадцати. Мат сунул в окошко паспорт, из которого тот скрупулёзно переписал все данные в толстый синий журнал. Лучше бы они так за наркоторговцами бдели.

Пока они возились, входная дверь распахнулась. С огромными пакетами наперевес в холл ворвалась женщина. На шикарных ножках – джинсы в облипочку. Болотного цвета парка… кроссовки. Волосы взъерошены, на глазах – непроницаемые солнцезащитные очки.

Охранник встал, как солдат перед генералом:

– Оксана Владиславовна…

– Привет, Коля… Матвей Владимирович… – брови над темными стеклами очков собрались в одну линию, как будто женщина была растеряна или чем-то недовольна.

Оксана Владиславовна? Ну, ни хрена себе…

– Что-то не так? – спросила она, перекладывая пакет из одной руки в другую.

– Нет, все в полном порядке. Давайте мне, – вызвался Матвей.

– Спасибо, он не тяжелый. А в этих коробках что?

– Инструмент, – пожал плечами Веселый, с неудовольствием отмечая в директрисе эмансипированную на всю голову стерву. Нормальная женщина никогда бы не отказалась от помощи. Ведь так?

Вместе они поднялись в класс. Пока Матвей прикидывал фронт работы и что вообще нужно купить, Оксана Владиславовна сняла очки, но тут же на их место водрузила другие.

– Вы будете сами работать? – поинтересовалась, настороженно следя за неторопливо прогуливающейся по классу Лилей.

– А что? Вы сомневаетесь в моих способностях? – включил обаяние на полную мощь Матвей.

Директриса обернулась. Мазнула по нему равнодушным взглядом. Вот вроде не было в нем ничего такого. Никакого презрения или надменности. А его обожгло. И взбесило, чего уж. План Матвея был прост – очаровать, завоевать, втереться в доверие. Разомлевшая после оргазма женщина – такая легкая добыча. Он выведал бы у нее все. И… наказал. Если, конечно, будет, за что. Не то, чтобы он в том сомневался.

– Я ничего не знаю о ваших способностях, поэтому трудно судить, – равнодушно парировала Оксана Владиславовна и, взяв ведро, вышла из класса.

– Один-ноль, – хищно улыбнулась дочка. Матвей нахмурил брови:

– Поговори мне еще.

Директриса вернулась быстро. Достала из шкафчика резиновые перчатки, моющее средство и жесткую мочалку. Склонилась над партой, демонстрируя свою шикарную аппетитную задницу. О, да… Когда она сдастся, он наклонит ее

над этой партой и трахнет так, что она сорвет горло криком. Матвею было не впервой добывать информацию таким незамысловатым способом. Женщины очень болтливы. Даже умные женщины.

– Лиля… А ты чего стоишь? Бери тряпку и присоединяйся, – скомандовал Матвей дочке.

Оксана Владиславовна обернулась. Настороженно улыбнулась подошедшей к ней девочке. Лиля не была бы собой, если бы в последний момент не поскользнулась и не опрокинула стоящее под ногами ведро. Наверное, чего-то такого директриса от нее и ожидала. Её реакция была мгновенной. Как и реакция Матвея. Однако его помощь не понадобилась. Оксана успела подхватить ведро. Впрочем, вода все равно пролилась. Обдавая им ноги. Взгляды встретились. И прежде, чем женщина успела отстраниться, Матвей заметил следы на ее лице. Характерные такие следы… Он и сам оставлял их, когда щетина только-только отрастала. Красные точки, небольшие потертости на ее нежной, будто прозрачной коже. Выходит, у директрисы была веселенькая ночка.

Почему-то это еще сильнее его разозлило. Пока он прокручивал в голове свой план по ее соблазнению, она с кем-то, более удачливым, претворяла его в жизнь.

– Упс… Я не хотела мочить ваши кроссовки, – потупилась Лилечка.

– Ничего страшного, – улыбнулась Оксана и закусила губу, будто бы сдерживая смех. А потом нежно-нежно провела по Лилькиной макушке, поправляя незаметным движением съехавшую заколку. Ну, ладно… может быть, она не была такой уж стервой. Например, если бы Лилька забрызгала штиблеты родной матери – визгу было бы – мать честная. А эта вроде и правда не расстроилась. Или виду не подала. А губы дрожат чего? Как будто вот-вот засмеется. Неужели и правда веселят проделки его дьяволенка?

Чуть более резким движением, чем следовало, Мат дернул уровень и взялся за замеры.

– Что вы делаете? – поинтересовалась Оксана Владиславовна, возвращаясь к мытью парты.

Интересно, зачем это ей? Ведь и дураку понятно, что руководители ее уровня таким не занимаются. Для этого у них есть штат уборщиц, ведь так?

– Измеряю размеры куска линолеума, который придется заменить. Позже съезжу – куплю. И краску… Проще стены заново вскрыть водоэмульсионкой, чем пытаться их отмыть.

– И вы сами с этим справитесь? – чуть приподняла брови директриса, впрочем, ее взгляд оставался таким же равнодушным, как в самом начале.

– Это вряд ли. За выходные один не управлюсь. Придется позвать друзей. Вы не против?

Оксана Владиславовна пожала плечами и молча вернулась к работе.

Глава 5

– Я не буду есть этот омлет!

– А что будешь?

– Буду оладушки!

– Не до них сейчас. Мы проспали.

– Сегодня суббота!

– Сегодня день устранения последствий.

Матвей хмыкнул. Кажется, его дочка даже немного смутилась. Ну, надо же.

– Я не хотела взрывать тот пакет в классе. Что-то пошло не так, – покаялась Лилечка, ковырнув пальчиком бамбуковую подставку под горячее.

Взрывпакет! Взрывпакет, мать его! А ведь ей семь лет! Не надо было ее таскать на сходки с друзьями, на все их вылазки и учения. Вот не надо было! Да только с такой матерью, как Ленка, оставлять дочку дома было еще опаснее. Хорошо, что он все же осел на одном месте. Хватило ему службы. С головой… Нажрался. До сих пор просыпался в холодном поту. Кошмары… Может быть, поэтому и удалось уйти. Не прошел стресс-тест. Подписал себе увольнение. В их профессии нервы должны были быть стальными. А он в какой-то момент сломался. Что ж… случается. Даже с самыми лучшими…

Вот уже год, как у него не жизнь, а малина. Шикарный офис в центре, в подчинении куча ребят. Пей, жри за счет фирмы, получай охренительную зарплату. Ну, и впахивай вроде как до седьмого пота. Хотя… тем, кто служил в спецназе – работенка так себе, позволяет немного размяться да окончательно не утратить сноровку. А вот в последнее время стало поинтереснее. Выполняя очередное поручение шефа – начальника службы безопасности одного из крупнейших в стране холдингов, Матвей случайно узнал, что в гимназии, где учится его дочка, приторговывают наркотой.

И почему-то у него окончательно сорвало крышу. Матвей так сильно разозлился, что с большим трудом заставил себя действовать осторожно. Он пятнадцать лет служил не для того, чтобы его ребенка с малолетства на наркоту подсаживали. Он не для этого под пулями, в холод, и в дождь, и в зной… На износ! На пределе возможностей… И так его подорвало! Сил нет. Ни спать не мог, ни жрать. Думал, как ему это все разруливать.

Прежде всего, Матвей поговорил с начальником. Глеб Громов – мужик, что надо. Да и у него в той гимназии свой интерес имелся. Все же дочка начальника училась именно там, а Громов за девчонку отвечал головой. В общем, добро на негласное расследование Веселый получил. Осталось разобраться, с чего начинать. И тут весь его опыт подсказывал, что начинать надо бы с руководства. Ясное дело, что без него в этой схеме не обошлось. А тут еще повод отличный нарисовался – Лилька опять начудила. Грех было не воспользоваться таким шансом.

Директриса оказалась горячей штучкой. С виду холодная, но в глазах такой огонь полыхает – что даже его проняло. Может быть, она поэтому глаза за стеклами очков прятала? Матвей сразу понял, что это не линзы.

– Лиль! Ешь…

– Я не люблю яичницу…

– Слишком ты разбираться стала. В походе со мной даже змею трескала, а тут какие-то яйца.

– Змея была вкусной, – хищно улыбнулась его дочурка. Сущий ангел. Когда она спит.

– Давай-давай! Не то опоздаем. Твоя дракониха-директриса будет злиться, если мы не успеем привести класс в порядок. Я ей обещал.

– Она не дракониха, – вздохнула девочка, – Оксана Владиславовна только с виду строгая. Но знаешь, что?

– Что?

– Хорошая она. Ее все дети любят.

– Так что ж ты ей жизни не даешь, а, Матвеевна? Может, хватит уже делать ей нервы? Да и опасно это! Я тебе сто раз говорил. Кстати, ты в курсе, что наказана?

– Домашний арест на год? – Лилечка облизала ложку и без всякого страха уставилась на отца.

– Домашний арест до пенсии! Это надо… взрывпакет! Чем ты думала? У нас теперь будут неприятности с социальной службой. А может быть, и с полицией.

– Что такое «социальная служба»?

– Это такие злые тетки, которые могут отобрать ребенка у родителей.

Глаза крохи широко распахнулись. Розовый бутон ротика приоткрылся. В кристально чистых глазах мелькнул ужас.

– Как отберут? Насовсем?

В ином случае, Матвей вряд ли бы стал пугать дочку, но тут… Она ведь совершенно отбилась от рук! Вышла из-под контроля. И с этим нужно было что-то делать, пока Лилька окончательно не зарвалась.

– Насовсем.

– Но… почему? – всхлипнула его дочь.

– Потому что эти тетки решат, что мы с твоей матерью не очень хорошие родители, понимаешь? Ребенок не должен ходить в школу со взрывпакетами! Считается, что хотя бы этому мы тебя уж были обязаны научить.

– Я просто хотела пошутить.

– Считай, что шутка удалась. Дальше что будем делать?

– Я не знаю, – заревела девочка, спрыгнула с высокого барного стула и бросилась в объятья отца. – Скажи, что меня не заберут…

– Не заберут! Если ты прекратишь хулиганить!

– Я больше не буду ничего взрывать…

– И? – подтолкнул дочку к дальнейшим клятвам Веселый.

– И ломать ничего не буду, и выкручивать болты из стульев, и класть тараканов в еду Боброву…

– О, господи… Мой же ты маленький антихрист…

Матвей поцеловал дочку в макушку. Зажмурился, вдыхая сладкий детский аромат, с легкой примесью гари. Не смог не улыбнуться – стоило только представить, как Лилька воплощала в жизнь свои преступные замыслы.

– Ты меня никому-никому не отдашь?

– Не отдам… Кто на такую хулиганку позарится? А если даже и так, тебя бы вернули уже через час. И даже, может быть, приплатили, чтобы я только забрал тебя обратно. Слушай, неплохой бизнес. Если у твоего бати дела пойдут так себе… можно будет эту схему провернуть. Что скажешь?

– Ты ведь шутишь? – шмыгнула красным носом малышка.

– Как знать? Ну? Иди, ешь. Иначе все окончательно остынет…

Когда Матвей говорил, что они опаздывают – он ничуть не соврал. Вообще-то он планировал успеть к девяти.

Пока Лилька ковыряла свой омлет, Веселый рылся в кладовке. Нашел уровень, рулетку, взял коробку с инструментами. По большому счету, ему надо было еще вчера измерить кусок линолеума, который придется заменить, а вместо этого он пялился на Лилькину директрису. Просто взгляда от нее не мог оторвать.

Она была… офигенной. Наверняка разбила не одно мальчишеское сердце. Ну, а что? Такой экземпляр. Влажная фантазия всех старшеклассников – Мат мог поклясться. Сам бы он такую точно не упустил. Строгая, властная, неприступная. Вызов в чистом виде. Так и хочется стащить с нее наглухо застегнутые тряпки и посмотреть, что под ними. Разобрать по косточкам, сломить сопротивление. Наклонить над огромным, до блеска отполированным директорским столом, и…

– Я доела…

Матвей вздрогнул. Коробка с инструментами свалилась с полки и ударила его по ноге.

– Ёжички-уточки! – выругался Веселый. Не слишком грозно? Так может показаться только тем, у кого нет ребенка, который с восьми месяцев повторяет все, что только услышит.

Матвей оглянулся. Лилька не только доела, но и нарядилась. Наряжаться она любила едва ли не больше, чем хулиганить. Так в ней сочеталось истинно женское и демоническое начало.

– Ты накрасила губы.

– Сегодня суббота.

– Да, но мы все равно едем в школу.

– Да брось! Там все равно никого нет.

С этим Матвей спорить не стал. Через несколько минут они уже мчались к гимназии. Парковка перед входом была свободна. На посту охраны их уже ждали. Тщедушный парнишка лет двадцати. Мат сунул в окошко паспорт, из которого тот скрупулёзно переписал все данные в толстый синий журнал. Лучше бы они так за наркоторговцами бдели.

Пока они возились, входная дверь распахнулась. С огромными пакетами наперевес в холл ворвалась женщина. На шикарных ножках – джинсы в облипочку. Болотного цвета парка… кроссовки. Волосы взъерошены, на глазах – непроницаемые солнцезащитные очки.

Охранник встал, как солдат перед генералом:

– Оксана Владиславовна…

– Привет, Коля… Матвей Владимирович… – брови над темными стеклами очков собрались в одну линию, как будто женщина была растеряна или чем-то недовольна.

Оксана Владиславовна? Ну, ни хрена себе…

– Что-то не так? – спросила она, перекладывая пакет из одной руки в другую.

– Нет, все в полном порядке. Давайте мне, – вызвался Матвей.

– Спасибо, он не тяжелый. А в этих коробках что?

– Инструмент, – пожал плечами Веселый, с неудовольствием отмечая в директрисе эмансипированную на всю голову стерву. Нормальная женщина никогда бы не отказалась от помощи. Ведь так?

Вместе они поднялись в класс. Пока Матвей прикидывал фронт работы и что вообще нужно купить, Оксана Владиславовна сняла очки, но тут же на их место водрузила другие.

– Вы будете сами работать? – поинтересовалась, настороженно следя за неторопливо прогуливающейся по классу Лилей.

– А что? Вы сомневаетесь в моих способностях? – включил обаяние на полную мощь Матвей.

Директриса обернулась. Мазнула по нему равнодушным взглядом. Вот вроде не было в нем ничего такого. Никакого презрения или надменности. А его обожгло. И взбесило, чего уж. План Матвея был прост – очаровать, завоевать, втереться в доверие. Разомлевшая после оргазма женщина – такая легкая добыча. Он выведал бы у нее все. И… наказал. Если, конечно, будет, за что. Не то, чтобы он в том сомневался.

– Я ничего не знаю о ваших способностях, поэтому трудно судить, – равнодушно парировала Оксана Владиславовна и, взяв ведро, вышла из класса.

– Один-ноль, – хищно улыбнулась дочка. Матвей нахмурил брови:

– Поговори мне еще.

Директриса вернулась быстро. Достала из шкафчика резиновые перчатки, моющее средство и жесткую мочалку. Склонилась над партой, демонстрируя свою шикарную аппетитную задницу. О, да… Когда она сдастся, он наклонит ее над этой партой и трахнет так, что она сорвет горло криком. Матвею было не впервой добывать информацию таким незамысловатым способом. Женщины очень болтливы. Даже умные женщины.

– Лиля… А ты чего стоишь? Бери тряпку и присоединяйся, – скомандовал Матвей дочке.

Оксана Владиславовна обернулась. Настороженно улыбнулась подошедшей к ней девочке. Лиля не была бы собой, если бы в последний момент не поскользнулась и не опрокинула стоящее под ногами ведро. Наверное, чего-то такого директриса от нее и ожидала. Её реакция была мгновенной. Как и реакция Матвея. Однако его помощь не понадобилась. Оксана успела подхватить ведро. Впрочем, вода все равно пролилась. Обдавая им ноги. Взгляды встретились. И прежде, чем женщина успела отстраниться, Матвей заметил следы на ее лице. Характерные такие следы… Он и сам оставлял их, когда щетина только-только отрастала. Красные точки, небольшие потертости на ее нежной, будто прозрачной коже. Выходит, у директрисы была веселенькая ночка.

Почему-то это еще сильнее его разозлило. Пока он прокручивал в голове свой план по ее соблазнению, она с кем-то, более удачливым, претворяла его в жизнь.

– Упс… Я не хотела мочить ваши кроссовки, – потупилась Лилечка.

– Ничего страшного, – улыбнулась Оксана и закусила губу, будто бы сдерживая смех. А потом нежно-нежно провела по Лилькиной макушке, поправляя незаметным движением съехавшую заколку. Ну, ладно… может быть, она не была такой уж стервой. Например, если бы Лилька забрызгала штиблеты родной матери – визгу было бы – мать честная. А эта вроде и правда не расстроилась. Или виду не подала. А губы дрожат чего? Как будто вот-вот засмеется. Неужели и правда веселят проделки его дьяволенка?

Чуть более резким движением, чем следовало, Мат дернул уровень и взялся за замеры.

– Что вы делаете? – поинтересовалась Оксана Владиславовна, возвращаясь к мытью парты.

Интересно, зачем это ей? Ведь и дураку понятно, что руководители ее уровня таким не занимаются. Для этого у них есть штат уборщиц, ведь так?

– Измеряю размеры куска линолеума, который придется заменить. Позже съезжу – куплю. И краску… Проще стены заново вскрыть водоэмульсионкой, чем пытаться их отмыть.

– И вы сами с этим справитесь? – чуть приподняла брови директриса, впрочем, ее взгляд оставался таким же равнодушным, как в самом начале.

– Это вряд ли. За выходные один не управлюсь. Придется позвать друзей. Вы не против?

Оксана Владиславовна пожала плечами и молча вернулась к работе.

Глава 6

– Стерва! – процедил Матвей и пнул ногой стул.

– Эй! Они только дверь захлопнули! Может услышать, – одернул друга Медведь.

– Нет, ты видел, какая стерва?

– Тебе правду? Нет. Не пойму, с чего такие выводы. То, что она тебя отшила…

– При чем здесь это? – нахмурился Матвей. Медведь заржал. – Че ржешь-то?!

– Смешной ты. Она все правильно сказала. Нечего малой дышать всякой фигней. Так, а где краскопульт?

– Вот он… – Мат достал прибор и подал другу. Чуть в стороне Киса молча повязывал бандану, наблюдая за перепалкой друзей. Он вообще был молчаливый – Киса.

– Симпатичная бабенка, а, Кис? – усмехнулся Медведь.

– Я бы вдул, – подтвердил тот, пересекая комнату.

– Я бы тоже, – зло сощурился Мат, – только нас уже кто-то опередил.

– То-то я смотрю, у нее на лице… – Медведь нарисовал у рта круг в воздухе.

– Вот! – выкинул вперед палец Веселый. – Ты тоже заметил следы горячей ночки!

– Ну, и что? Это запрещено какой-то конвенцией? – снова прыснул Медведь, сдвигая парты и застилая пол полиэтиленом.

– Да она же директор школы! Какой подает пример детям, м?

Тут уже в голос заржали оба друга.

– Ты серьезно? – между приступами хохота поинтересовался Вася, – что теперь, если директор, не трахаться? Остынь, Мат.

– Ну вас к черту!

– Меня больше другое смущает… – потер подбородок Киса. – Её мужики…

– О чем ты?

– Угадай с трех раз, кто был её мужем?

– А давай без угадайки?

– Так не интересно, – фыркнул Тимур, но в ответ на раздосадованный взгляд Мата вскинул ладони вверх, – ладно-ладно. Некто Букреев Сергей Владимирович.

– Что за хрен?

– А вот это самое интересное. Он тут в местной полиции – начальник отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Ну, как тебе совпадение?

Матвей выругался.

– Ты сам веришь в такие совпадения? – спросил у друга.

– Всякое бывает, – философски пожал плечами тот и выпустил из краскопульта струю на пробу. – Вроде ничего… Работает.

Киса взялся за дело. Мату и Медведю, пока тот не закончит, особенно делать было и нечего. Так, плинтус открутить, чтобы потом заменить линолеум. Впрочем, зазвал друзей он совсем для другого.

– Что еще о ней известно?

– Да так. Ничего интересного. Школа с отличием, университет. У нее, кстати, два диплома. Тридцать шесть лет. Детей нет. В разводе уже пять лет. А до этого была десять лет замужем.

– За тем самым ментом?

– Ага.

– Что ж разбежались?

– А бог его знает. Тихо-мирно разъехались.

– Что-нибудь еще?

– Ничего такого. Живет тихо, не отсвечивает. На работу первая, с работы – последняя.

– Ну, понятно, если тут такие дела творятся.

Матвей поморщился:

– Не думаю, что она в курсе.

– А сидит тут чего?

– А что ей еще делать? Одинокая баба за тридцать? По ночным клубам скакать?

– Если она с кем-то встречается, то ей вроде как есть куда торопиться.

– Не знаю, Мат. Мне кажется, не тянет она на злую ведьму.

– Ну, это ведь проще простого проверить, так?

– Проверим. Я, конечно, не думаю, что она станет по рабочему телефону вести беседы с наркоторговцами, но прослушка в кабинете может что-то и дать. Попасть бы туда… – почесал густую бороду Медведь.

– Попадем, когда за малой пойдем. У нас предлог есть. А что камеры? – спросил у Кисы, когда тот выключил краскопульт, чтобы передохнуть.

– Да ничего. Растыканы вроде грамотно. Мне бы доступ к любому компьютеру, подключенному к сетке – работы на пять минут. Все будет.

– А если нет?

– А если нет – вечером придется повозиться. Но лучше бы был – у меня планы.

Матвей взялся за шуруповерт и принялся выкручивать саморезы на плинтусе. Он думал о том, могла ли Волкова действительно не знать о том, что происходит в стенах школы. Все же Медведь отлично разбирался в людях. Лучше всех в их тактической группе. Если к кому-то и нужно было прислушиваться – так это к нему. Мат и прислушивался… Обычно. А теперь даже не знал, как ему быть. Если директриса не в курсе – он терял время, её окучивая. Ну, да… Как же… Терял. Он хотел ее едва ли не больше, чем узнать правду. Признайся, Веселый?

Отпираться бессмысленно. Он полночи провел, о ней фантазируя. Убеждал себя, что это просто такой план… соблазнения. Ну, а что? План – есть план. К этому делу тоже с умом подходить надо. А что в итоге? Пока он пускал слюни, представляя, как будет ее трахать, мечтая о ней… такой стервозной, холодной и знающей себе цену. Пока мечтал о том, как заставит ее кричать, вмиг растеряв всю свою надменность, она… неплохо проводила время с другим.

Шуруповерт соскочил, шляпка самореза сломалась. Черт! Черт! Черт!

– Дай сюда… Ты слишком нервный.

– Нормальный.

– Ага. Так и видно. Сядь, вот… Посиди. Или пойди, поищи класс с компьютером. Слепые зоны вычислил?

– А то как же… – пробормотал Мат, вставая.

– Вот и вали. Хоть какая-то помощь от тебя будет.

Найти класс с компьютером – задача довольно простая. Хотя бы потому, что каждый класс был им оснащен. Из первого «А» компьютер убрали, очевидно, после Лилькиного теракта. Сложность в том, что все классы были закрыты. Тогда Матвей сходил на пункт охраны и, не мудрствуя лукаво, попросил ключи, сославшись на то, что из первого «А» им нужно на время покраски перенести цветы. Охраннику такое объяснение показалось достаточным. Для того, чтобы получить доступ к серверу, Кисе понадобилось пятнадцать минут. Все это время они, не торопясь, таскали из класса в класс вазоны с геранью, чтобы не вызвать подозрений у охранников.

Через два часа они закончили со стенами. Еще через полчаса отмыли от побелки полы. Под конец сняли полоску старого линолеума и развернули новый, чтобы до завтра тот распрямился. Странно, но за все это время Лилька к ним ни разу не забегала, хотя в обычных условиях – отделаться от нее парням было непросто.

– Я весь грязный, как черт! – пожаловался Медведь, стирая с лица пыль.

– Пойдем, спросим. Тут ведь должны быть душевые…

Матвей не поверил своим глазам, когда, коротко постучавшись, вошел в кабинет директора. Его дочь в обнимку с директрисой развалились на диване и что-то рассматривали. Рядом с ними на столе стояли грязные чашки и две коробки пиццы. Пиццы! Они ели пиццу, пока мужики там вкалывали, как рабы!

– Хорошо живете, Лилия Матвеевна… Мы после вас последствия устраняем, так сказать, а вы пиццу трескаете!

Лиля подняла голову и, скатившись на попе с дивана, подбежала к отцу. Вслед за ней встала и Оксана Владиславовна.

– Закончили?

– На сегодня, пожалуй. Хотел спросить, нельзя ли нам воспользоваться душем? До дома, конечно, можно и потерпеть…

– В спортзале работают душевые, – как будто сомневаясь, пускать ли их, заметила директриса, сведя брови над переносицей ставшим уже привычным движением, которое, впрочем, теперь, когда Матвей уже видел ее другой, не возымело своего эффекта. Он и раньше догадывался, а теперь знал наверняка, что внутри она совсем другая. Может, вот она, настоящая – расслабленная, сбросившая туфли и опостылевшие очки. Склонившаяся над его малой, как над родной, слушающая сказки… Ему до ломоты в затылке захотелось ее разгадать.

– Папа! Пап… Ты слышал? В спортзале! Хочешь, я тебя провожу?

– Проводи, конечно. А пока мы помоемся, убеди Оксану Владиславовну согласиться с нами поужинать.

Огромные голубые глаза удивленно расширились. Может быть, он бы и не заметил, если бы она была в очках, а так подловил. Видимо, Оксана совсем не ожидала, что он снова станет настаивать.

– Мы поели… – осторожно заметила она, указывая на пиццу.

– Вы – да. А мы с Васькой и Тимуром остались голодными. Соглашайтесь, а? Ну, должны же вы как-то порадовать добровольных помощников?

– Я? – удивилась снова.

– Ну, а кто? Будет нам хоть какое-то вознаграждение за трудовой подвиг.

– Соглашайтесь, Оксана Владиславовна! – вступила в диалог девочка, нетерпеливо подпрыгивая, – мы можем пойти в Крушовицу! Там вкусные креветки и пиво.

– Ты и в пиве разбираешься? – кусая губы, спросила директриса.

– Я разбираюсь в жизни, – авторитетно заявила его маленькая демонеса, – пиво – дело второстепенное.

Оксана Владиславовна посмотрела на Матвея в упор. Осуждающе и… смешливо. Означает ли это, что у него есть еще один шанс? Тот хмыкнул:

– Да не разбирается она ни черта. А тот паб, о котором Лилька говорит – хороший чешский ресторанчик. Очень приличный. Так что не думайте, что я её за собой таскаю по злачным местам.

– А вы не таскаете?

Он не понимал. Было что-то новое в ее взгляде. Что-то странное. Не огонь, нет. Голубые задорные искорки, которые Оксана не могла погасить, как ни старалась. Матвей покосился на дочку. Интересно, сколько та успела разболтать, пока они тут ели пиццу? И неужели это теперь сыграет ему на руку? Ай да Лилька! Ай да молодец!

Матвей пожал плечами:

– Порой приходилось. Не очень хорошая идея, конечно, но…

– Лиля мне рассказала, что жила с вами…

Договорить Оксана Владиславовна не успела. Медведь и Киса закончили работу в приемной, окликнув:

– Мат, ну, мы идем? Или дома уже помоемся?

– Идем! А потом нам выставляются… За работу.

– Хорошее дело! – одобрительно загудели мужчины, снова надевая на лица маски простачков.

– Я еще даже не согласилась, – залепетала Оксана, да кто ж ее теперь слушал? Мат улыбнулся и пошел вслед за мужиками.

– Погодите! У нас тут полотенца есть… Для лица, но все же лучше, чем ничего. Возьмите.

Матвей забрал из красивых холеных женский рук полотенца и, придав дочке легкого ускорения, двинулся вслед за ней. Спортзал, как и во всех других школах, находился на первом этаже. Пока они шли к нему, Мат пытался разговорить Лилю на предмет того, о чем они болтали с директрисой, но та не слишком охотно выдавала информацию. Еще бы! Знала ведь, что он вряд ли обрадуется тому, что она разболтала об их приключениях. А ведь разболтала! Как пить дать, разболтала. Иначе с чего Волкова оттаяла?

Помещение, в которое их проводила Лиля, от всех других виденных Матвеем школьных спортзалов отличалось разве что качеством ремонта и оборудования. Даже его мужики присвистнули, обозревая снаряды в тренажерной.

– Не хило, – протянул Киса, когда Лилька убежала, оставив их у душевых.

– Ты прикинь, какие здесь бабки вращаются, м-м-м? Зачем бы Волковой так подставляться? У нее зарплата и без того, наверное, офигенная. Плюс, по любому мутит что-то по бухгалтерии… Все они мутят.

– Ладно-ладно… Я уже понял, что ты на стороне директрисы, – пробормотал Матвей, раздеваясь.

Медведь задумчиво растер бровь:

– Нет, она что-то скрывает. Но не думаю, что это как-то связано с наркотой.

– Чуйка?

– Называй, как хочешь.

Медведь сдернул заляпанные водоэмульсионкой штаны и первым вошел в кабинку. Нога неловко поехала, он схватился за первый, попавшийся под руку

предмет – мыльницу на присоске, и та, конечно, с легкостью отошла от стены. Мат и Киса синхронно сунулись на помощь, но в последний момент физподготовка Медведя полностью себя оправдала. Он устоял. Выматерился с удовольствием. А потом, медленно наклонившись, что-то поднял с пола.

– Ты в порядке?

– В полном. Посмотри, что у меня есть… – Василий повернулся к друзьям, удерживая между средним и указательным пальцами пакетик…

– Твою мать! – выругался Матвей, – закладка?

Медведь наклонился, потрогал пальцем место крепление мыльницы. Присоска там была хорошая. Но если чем-то поддеть – отвалится только так. Идеальная нычка для тех, кто знает, где ему искать товар.

– Кто-то заложил еще с пятницы, – пробормотал Киса.

– Или сегодня.

– Думаешь, она?

– Нет, я с ней встретился утром в холле. Она только-только приехала.

– Тогда охранник?

– Это если закладка сделана ночью. А если вчера – то мог кто угодно! От физрука, до любого парня. Девчачьи душевые отдельно, ведь так?

– Вот же черт. Ладно, мойтесь! Мы и так здесь топчемся подозрительно долго. И проверьте, может, еще где-то есть наркота? Узнаю, кто за этим стоит – с землей сравняю.

– Главное, чтобы не директриса, – хмыкнул Киса, открывая таки кран на полную мощность.

– Это еще почему?

– Да потому, что ты вляпался в неё по самое не хочу, – пояснил Медведь, как будто эти двое знали то, чего не знал он сам. Придурки…

Глава 7

Оксана не знала, почему она согласилась поехать с Веселыми и их друзьями в ресторан. Может быть, потому, что в противном случае ей предстоял очередной одинокий вечер. Она планировала заехать к родителям. Но когда позвонила узнать об их планах, мать сообщила, что прямо сейчас едет к Игорю, Оксаниному младшему брату. Совсем недавно у него родился третий сын, и с непривычки они с женой не справлялись.

– Степаша уже так вырос, Оксана! Такие щеки наел. Ты бы видела! Кстати, не пойму, почему ты не заезжаешь к Игорьку почаще… Тебе все равно нечем заняться. Могла бы помочь Алине. Бедняжка! У нее столько хлопот… Три мальчишки! Вот Игорь ювелир, а? – щедро сыпала восторгом мама.

Такая незатейливая логика. Если у Оксаны нет детей – то ей и заняться нечем. Как она от этого всего устала! Бесконечно… Поначалу старалась что-то объяснить. Правда старалась. Не чужие ведь люди. Но потом оставила эти бессмысленные попытки. В глазах родни она была эксцентричной старой девой, которая сама виновата в том, что её жизнь не сложилась. А Игорь… Игорь всегда был любимчиком. С самого детства. Может быть, из-за того, что она сызмальства чувствовала себя недостойной любви, все у нее так и вышло? Молодость прошла. И ничего не осталось. Муж-садист, которого она была вынуждена терпеть десять бесконечных, полных горечи лет, потом любовник… Хороший мужик, для которого она тоже была на вторых ролях? Да… Все оно родом из детства. Как ни крути. Хорошо уже то, что она это понимает. Но ведь и не меняет ничего… Хотя, что здесь менять? Поздно, наверное. Слишком поздно.

И горько…

Оксана подтянула к себе пивной бокал и сделала глоток темного нефильтрованного. Вкусно. Слизала с губ пенку и неожиданно наткнулась на горящий интересом мужской взгляд. Тело обожгло. Лизнуло языками пламени. Воздух в груди замер. Где-то на заднем фоне здоровяк Василий упражнялся в остроумии с Лилей Веселой, а Оксана… Оксана глядела в глаза её отца и не могла наглядеться. В них было столько греха. Столько голода! Как будто она была для него самой желанной! На нее никто и никогда так не смотрел. И она только сейчас поняла, как это – быть чьей-то жаждой.

Дыхание участилось. Стало поверхностным и неровным. Пальцы чуть подрагивали, и чтобы занять чем-то руки, Оксана взялась за приборы.

Спустись на землю, Волкова. У тебя уже был один одержимый. Муж… Напомнить, чем это закончилось? Оксана вздрогнула. Прикусила губу. Закончилось все хорошо. Её спас Бедин. И это, наверное, ее потолок. Степенный. Размеренный. Безопасный… Тот, кто сделал все, чтобы муж оставил её в покое. Тот, кто придал силы и уверенности двигаться дальше.

Десять лет. Десять лет она была женой неустойчивого садиста. Десять бесконечно долгих лет, когда не знаешь, каким он придет с работы. Довольным или… мрачнее тучи. Чтобы взорваться и выместить зло на Оксане, её мужу многого и не требовалось. Недосоленный или пересоленный суп. Слово… Взгляд. Она была жертвой очень долго. Только не думайте, что ей это нравилось. Сколько раз она пыталась уйти! Но ее муж работал в полиции. И у него было оружие. Из которого он обещал перестрелять ее родню, если она не одумается, а брату подбросить наркотики и сделать все, чтобы он сел на долгие-долгие годы. О, Букреев знал, на что надавить… В конце концов, она стала бояться всего на свете!

– Ну, как вам? – откашлявшись, спросил Матвей.

Оксана проследила за его взглядом и пожала плечами:

– Вкусно.

– А я говорил. Вы здесь никогда не были?

– Нет, – Оксана посмотрела на часы, потому что смотреть на Лилечкиного отца – означало и дальше подвергаться опасности.

– Куда-то спешите?

– Да нет… Лиль, пододвинь стаканчик. Ты так активно жестикулируешь, что вот-вот его столкнешь.

Девочка послушно пододвинула стакан с морсом, но задела салфетницу, а та упала прямо на горящую на столе свечку и в мгновение ока вспыхнула. Надо сказать, мужики среагировали мгновенно. Наверное, как и полагается спецназовцам. О роде деятельности этих ребят Лилечка Веселая рассказала Оксане в красках, еще в кабинете. За пиццей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/reznik_yuliya/moy-papa-supergeroy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити